

Френсис Фицджеральд

Последняя красавица юга

Часть сборника
Кошмарный парнишка (сборник)

Френсис Фицджеральд

Последняя красавица юга

«ЭКСМО»

Фицджеральд Ф. С.

Последняя красавица юга / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо»,

«...Так вот она – чистокровная южанка. Я бы понял это, даже если бы никогда не слушал Рут Дрэпер и не читал Марса Чена. В Эйли была хитреца, подслащенная простодушной, говорливой ласковостью, и неизменный холодок – результат бесконечной борьбы с жарой; вид ее наводил на мысль о преданных отцах, братьях, поклонниках, чередой которых уходила вспять, к героическим временам Юга. В голосе ее то слышались интонации, какими отдавали приказание рабам или убивали наповал капитанов-янки, то другие – мягкие, обволакивающие, созвучные в своей непривычной прелести с этой ночью. Я почти не видел ее в темноте, но когда поднялся уходить – было очевидно, что мне не следует мешкать, – Эйли стояла в оранжевом свете, падавшем из дверного проема. Она была миниатюрная и очень белокурая; лихорадочный румянец излишне накрашенных щек усугублялся запудренным по-клоунски добела носом; но сквозь эту маску она сияла, как звезда...»

© Фицджеральд Ф. С.

© Эксмо

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Последняя красавица юга

I

После Атланты, так тщательно и театрально воплотившей обаяние Юга, мы недооценили Тарлтон. Там было чуть жарче, чем во всех других местах, где нам пришлось побывать, – двенадцать наших новобранцев в первый же день сомлели на солнце Джорджии; когда под палящим зноем видишь стада коров, проплывающие по деловым улицам под гиканье негров-гуртовщиков, невольно теряешь ощущение реальности: хочется пошевелить рукой или ногой, чтобы убедиться, что ты жив.

Поэтому я жил в лагере, а рассказывать мне о тарлтонских девушках предоставил лейтенанту Уоррену. Это было пятнадцать лет назад, и я позабыл уже свои ощущения, помню лишь, что жизнь текла день за днем, лучше, чем сейчас, и что сердце мое было пусто, потому что там, на Севере, та, чей образ я лелеял целых три года, выходила замуж. Я видел об этом в газетах заметки и фотографии. «Романтическая свадьба военного времени», очень богатая и печальная. Я живо ощущал зловещее сияние в небе, под которым это происходило, и, как юный сноб, испытывал скорее зависть, нежели печаль.

Однажды я все же поехал в Тарлтон, чтобы постричься, и встретил там одного славного парня – его звали Билл Ноулз, мы вместе учились когда-то в Гарварде. Раньше он служил в отряде Национальной гвардии, который стоял до нас в этом лагере, но в последний момент перевелся в авиацию и потому застрял в Тарлтоне.

– Рад видеть тебя, Энди, – сказал он с неподобающей серьезностью. – Прежде чем уехать в Техас, я передам тебе все известные мне сведения. Видишь ли, в сущности, здесь всего три девушки...

Я оживился: было нечто мистическое в том, что их оказалось три.

– ...и сейчас я покажу тебе одну из них.

Мы стояли перед аптекой; он ввел меня в помещение и познакомил с особой, которая сразу же мне резко не понравилась.

– Две другие – Эйли Кэлхун и Салли Кэррол Хэппер.

По тому, как он произнес имя Эйли Кэлхун, я догадался, что он к ней неравнодушен. Его заботило, что она будет делать в его отсутствие; ему хотелось, чтобы она проводила время спокойно и скучновато.

Сейчас я не колеблясь готов признаться, что подумал тогда об Эйли Кэлхун – какое милое имя! – совсем не по-рыцарски. В двадцать три года не существует понятий вроде «красавица, обещанная другому»; впрочем, если бы Билл попросил меня, я наверняка и совершенно искренне поклялся бы относиться к ней как к сестре. Но он не попросил; он только страдал, что надо уезжать. Три дня спустя он позвонил мне, что едет завтра утром и хочет сегодня же нас познакомить.

Мы встретились в гостинице и шли к ее дому сквозь дышащие цветами жаркие сумерки. Четыре белые колонны дома Кэлхунов были обращены к улице, веранда за ними казалась темной пещерой, и виноград вился, цеплялся и полз по ее стенам.

Когда мы подошли к дому, на веранду с криком: «Простите, что заставила вас ждать!» – выскочила девушка в белом платье и, увидев нас, добавила:

– Ой, а мне показалось, вы уж десять минут как пришли!..

И вдруг примолкла, потому что скрипнул стул и из темноты веранды возник еще один мужчина – летчик из лагеря Гарри-Ли.

– А, Кэнби! – воскликнула она. – Здравствуйте!

Кэнби и Билл Ноулз застыли, точно ожидая приговора.

– Кэнби, дорогой, я хочу что-то сказать вам по секрету, – прибавила она через секунду. – Вы ведь простите нас, Билл?

Они отошли в сторону. Вскоре послышался сердитый голос лейтенанта Кэнби:

– Ну тогда в четверг, но уж наверняка.

И едва кивнув нам, он двинулся прочь по дорожке, поблескивая шпорами, которыми, по-видимому, подгонял самолет.

– Входите же – я только не знаю, как вас зовут...

Так вот она – чистокровная южанка. Я бы понял это, даже если бы никогда не слушал Рут Дрэпер и не читал Марса Чена. В Эйли была хитреца, подслащенная простодушной, говорливой ласковостью, и неизменный холодок – результат бесконечной борьбы с жарой; вид ее наводил на мысль о преданных отцах, братьях, поклонниках, череда которых уходила вспять, к героическим временам Юга. В голосе ее то слышались интонации, какими отдавали приказания рабам или убивали наповал капитанов-янки, то другие – мягкие, обволакивающие, созвучные в своей непривычной прелести с этой ночью.

Я почти не видел ее в темноте, но когда поднялся уходить – было очевидно, что мне не следует мешкать, – Эйли стояла в оранжевом свете, падавшем из дверного проема. Она была миниатюрная и очень белокурая; лихорадочный румянец излишне накрашенных щек усугублялся запудренным по-клоунски добела носом; но сквозь эту маску она сияла, как звезда.

– Когда Билл уедет, я все вечера буду просиживать совсем одна. Может, вы как-нибудь свезете меня на танцы в загородный клуб?

Услышав это патетическое пророчество, Билл усмехнулся.

– Погодите, – задержала меня Эйли, – ваше оружие съехало на сторону.

Она поправила мне булавку в воротничке и подняла на меня глаза – в них было не просто любопытство, взгляд был ищущий, будто она спрашивала: «Возможно ли, что это ты?» Вслед за лейтенантом Кэнби я неохотно шагнул в сразу поскучевшую ночь.

Две недели спустя я сидел с ней на той же веранде, или, вернее, она полулежала в моих объятиях, тем не менее едва меня касаясь, – уж не помню, как это ей удавалось. Я тщетно пытался ее поцеловать, – я уже потратил на это битый час. Мы развлекались, обсуждая мою неискренность. Согласно моей теории, если б она позволила себя поцеловать, я бы в нее влюбился. Она же утверждала, что я явно неискренен.

В перерыве между двумя такими стычками она рассказала мне о своем брате, который умер, когда учился на старшем курсе в Йеле. Она показала мне его фотографию, – у него было красивое серьезное лицо и живописная прядь на лбу, – и прибавила, что выйдет замуж, когда встретит кого-нибудь, кто будет ему под стать. Этот семейный идеализм меня обескуражил: при всей моей самоуверенности я не мог тягаться с мертвым.

Другие вечера проходили, как и этот, и, возвращаясь в лагерь, я уносил с собой запах магнолии и смутное разочарование. Я так и не поцеловал ее. Субботними вечерами мы смотрели варьете и ездили в загородный клуб, где редко случалось, чтобы две минуты подряд она протанцевала с одним и тем же кавалером; она брала меня с собой на пикники и шумные вечеринки, но ей никогда не приходило в голову обратить мои чувства в любовь. Теперь я понимаю, что это было бы нетрудно, но она была мудрой девятнадцатилетней особой и, верно, знала, что мы эмоционально несовместимы. И потому она предпочла поверять мне свои тайны.

Мы говорили о Билле Ноулзе. О Билле она подумывала всерьез, потому что – хоть она бы никогда с этим не согласилась – зима, проведенная в нью-йоркской школе, равно как и бал в Йеле, обратили ее взоры на Север. Она сказала, что, пожалуй, не выйдет за южанина. И постепенно я понял, что она сознательно, намеренно старалась быть другой, чем те девицы,

которые распевали негритянские песни и резались в кости в барах загородных клубов. Потому-то нас с Биллом – и не только нас – тянуло к ней. Мы распознали ее.

Весь июнь и июль, когда до нас едва доносились далекие слухи о сражениях и ужасах за морем, взгляд Эйли блуждал по танцевальной площадке загородного клуба, что-то отыскивая среди высоких молодых офицеров. Иных она поощряла, всякий раз делая свой выбор с безошибочной проницательностью, если не считать случая с лейтенантом Кэнби, которого, по ее утверждению, она презирала, но которому тем не менее назначала свидания, «потому что он такой искренний»... и все лето мы делили между собой ее вечера.

Однажды она отменила все свои свидания – Билл Ноулз дал знать, что приезжает в отпуск. Мы обсуждали это событие с научной беспристрастностью, пытаясь предсказать, заставит ли он ее принять решение. Лейтенант же Кэнби, наоборот, вовсе не был беспристрастен, он вел себя неприлично. Он сказал ей, что, если она выйдет замуж за Ноулза, он подыметесь на своем аэроплане на шесть тысяч футов, выключит мотор и отпустит ручку. Он напугал ее – я принужден был уступить ему свое последнее свидание перед приездом Билла.

В субботу вечером она явилась в загородный клуб с Биллом Ноулзом. Они были очень красивой парой, и я снова позавидовал им и загрустил. Они танцевали, а оркестр, состоявший из трех инструментов, играл «Когда ты уедешь» с такой щемящей, тихой грустью, что я и сейчас еще слышу – каждый такт, будто падающая капля, уносит драгоценные минуты тех дней. Я понимал, что уже полюбил Тарлтон, и в волнении озирался, надеясь: вдруг из недр этой теплой поющей ночи, дарящей одну за другой пары в органди и хаки, явится и мне чье-то милое лицо. То были дни молодости и войны, и вокруг, как никогда, все было исполнено любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.